

УДК 327.7

Константин ВОРОНОВ

СЕВЕРНЫЙ НЕЙТРАЛИЗМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФИНАЛ ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ?

Аннотация: В статье анализируются внешние изменения и внутренние сдвиги в сфере безопасности, негативно влияющие на сохранение политики нейтралитета северных стран. Показаны сужающие объективные предпосылки и ограничивающие параметры для продолжения северного нейтрализма. Освещаются разные аспекты модернизации военно-политических курсов Швеции и Финляндии на современном этапе. Автор с точки зрения теории и политики рассматривает дилемму: повышение нынешнего уровня конфликтности в Европе повышает потребность в северной модели нейтрализма в условиях, приближённых к периоду холодной войны, а снижение противостояния между Западом и Россией может привести к окончательному размытию, прекращению политики северного нейтрализма. Военно-стратегический выбор этих соседей России на Балтике в пользу НАТО, нарушение признанной “красной черты” приведёт к трудно просчитываемому “балтийскому кризису”, который может оказаться сравнимым с Карибским.

Ключевые слова: Швеция, Финляндия, НАТО, ЕС, политика нейтрализма, неприсоединение, классический и накопленный нейтралитет, проблема вступления/членства.

В постбиполярный период в условиях исчезновения другой сверхдержавы – СССР сократилось пространство для политического лавирования, дипломатического маневра малых стран, нейтралитет как их особая внешнеполитическая линия перестал давать заметные стратегические преимущества, как это было в период холодной войны¹. Если в начале 1990-х годов интерес к нейтралитету как проверенной модели вроде бы несколько возрос, поскольку на политической карте появились новые независимые государства центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Балтии, а лидеры этих стран первоначально видели в нейтралитете возможность выйти из сферы влияния Москвы, то позже, ввиду коренного изменения геополитической ситуации,

---

¹ В условиях биполярности Исландия, например, смогла использовать собственное стратегическое положение для достижения своих национальных интересов в споре с Великобританией в области рыболовства в 1950–1970-х гг. Рейкьявику удалось расширить свою экономическую, экологическую, рыбоохранную зону вначале до 50, а позже до 200 морских миль.

© **Воронов Константин Валентинович** – к.и.н., завсектором отдела европейских политических исследований Института мировой экономики и международных отношений имени Примакова Е.М. РАН. **Адрес:** РФ, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23. **E-mail:** kvoronov@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120188089>

“необратимого” ослабления новой России, они посчитали необходимым сделать исключительную ставку на вступление в западные союзы – НАТО и ЕС. К тому же ведущие державы Запада (США, Великобритания, Германия, Франция) намерены были воплощать в жизнь систему безопасности в Европе исключительно на евроатлантической основе (НАТО, ЕС), что также выбивало геополитическую опору из-под курса нейтральных, неприсоединившихся стран. К тому же процесс “размывания” феномена европейского нейтралитета происходил не только из-за внешнего контекста, но и разнородных внутренних тенденций, дисбалансов, причин.

Как теория нейтралитет остаётся по-прежнему весьма эклектичен и достаточно противоречив. На практике он представляет собой результат сложения множества предпосылок и императивов – истории и географии, выбора во времени, социальной психологии и др. Свобода политического выбора малых стран была ограничена подчас интересами их непосредственных больших соседей. Изначально главный принцип нейтралитета – неучастие в войне на стороне одного из участников – со временем был расширен до неучастия в военно-политических блоках. В Европе можно выделить две основные формы нейтралитета. Одна из них – *классический* (Швейцария, Швеция), когда чёткий отказ от членства в союзах сочетался с внушительной обороной. Другая – новый, “*накопленный*” нейтралитет (Австрия, Финляндия), при котором политические элиты добились дипломатическим путём расширения своих прав, самостоятельности на мировой арене. Кроме этих основных форм есть также и *промежуточные* (Ирландия, Мальта) [Воронов, 1995].

Современные тенденции в Европе не содержат достаточных предпосылок для стабилизации ситуации в ближайшее десятилетие. Последние события (воссоединение Крыма с Россией, война на востоке Украины, брекзит, приход к власти новой администрации Д. Трампа в США, неконтролируемая миграция в Старом Свете, “правая волна” – усиление националистических, популистских сил, евроскептиков) создают новые рамки для политики безопасности северных неприсоединившихся стран.

Шведская политика свободы от союзов

Нейтралитет Швеции с точки зрения международного права закреплён как обычай – традиция внешней политики. В этой линии, которую страна придерживается с 1815 г., важную роль играла политика невмешательства, равноудалённости в отношении великих держав. Исходя из этой установки, шведы отрицательно относились к гарантиям ведущих акторов мировой арены из-за опасений попасть под их прессинг, зависимость, влияние. Именно поэтому курс Стокгольма, определяемый только односторонними заявлениями правительства, не получил постоянного юридического оформления или каких-либо международно-правовых подтверждений, гарантий.

В годы обострения холодной войны в начале 1980-х годов шведская политика свободы от союзов подверглась двойному нажиму как со стороны Востока, так и со стороны Запада. Появление неопознанных иностранных подводных лодок в шведских шхерах, инцидент с советской подлодкой U-137 в октябре 1981 г., нарушение воздушного пространства (май 1982 г.) над о. Готланд советским самолётом СУ-27 и другие подобные эпизоды серьезно осложнили обстановку на Балтике. В то же время, уступая давлению Запада, Стокгольм сделал ряд шагов, показавших зыбкость шведского курса. Так, была разрешена транспортировка по железной дороге военных грузов ВС США в Норвегию (сентябрь 1982 г.) через территорию коро-

левства, делались безуспешные попытки экспортировать боевой самолёт AJ-37 “Вигген” в страны – члены НАТО; Стокгольм присоединился, хотя и вне рамок Координационного комитета по экспортному контролю (КОКОМ), к западному “технологическому эмбарго” СССР. “Экономические связи Швеции с Западом, – отметил ещё в то время сотрудник Стокгольмского института международных отношений Б. Дунер, – рискуют приобрести аспекты военного сотрудничества” [Ar svensk neutralitet möjlig? 1977: 138]. В этот же период появились новые элементы в шведском курсе, связанные с ограничением собственного суверенитета, отработке практического взаимодействия с ВС стран – членов НАТО, поддержкой силовых миротворческих операций во главе с США.

Шведская политика традиционного нейтралитета, официально именуемая как *свобода от союзов в мирное время с целью сохранения нейтралитета в случае войны в ближнем со страной окружении*, состояла, как широко известно, из двух опор – политической и военно-технической. Последний компонент заключался в сильной национальной обороне и автономной военной промышленности, способными наглядно продемонстрировать решимость страны защитить хотя бы на начальном этапе кризиса или войны свой нейтральный статус. В эту схему встраивалась национальная концепция *тотальной обороны* – политической, экономической, гражданской, психологической, вооруженной борьбы. К тому же этот курс, пользующийся широкой поддержкой народа, исторически укрепился в сознании шведов в качестве характерной национальной черты, стал подлинным его достоянием.

Распад СССР/ОВД, с одной стороны, расширение НАТО на Восток – с другой, сделали фактически невозможным для Стокгольма проводить прежнюю политику нейтралитета старого образца – балансирования, сохранения старой военной доктрины. Смена стратегического контекста протекала на фоне утверждения Альянса как наиболее эффективной военно-политической организации с глобальными задачами, тогда как европейская оборона в рамках ЕС/ЗЕС оставалась в фазе зарождения. Одновременно власти в Стокгольме в качестве полноправного члена Евросоюза с 1995 г. прилагали значительные усилия для повышения уровня интегрированности своей страны – скорейшего подключения к структурам и механизмам валютно-финансового и политического союза, вхождения в его “твёрдое ядро”. Дополнительным интеграционным стимулом евроинтеграции для Швеции стала невозможность поддерживать на прежнем уровне свой оборонительный потенциал, обеспечивать сдерживание России на Балтике и Северной Европы в целом. К тому же Евросоюз служит для Стокгольма своего рода дополнительной страховкой от увеличивающегося влияния Германии [Dalsjö, 2017: 26–27].

Военно-политическое руководство страны планировало в разные периоды холодной войны мобилизовать свыше 800 тыс. (ныне менее 500 тыс.) обученных резервистов для ведения оборонительных действий по двум самостоятельным направлениям – северо-восточном и центральном. В качестве главного ударного компонента своих ВС в начале 1990-х гг. Швеция имела 415 боевых самолётов (ныне порядка 300 ед., четверть из которых законсервирована и складывается в подразделениях), что было вполне сопоставимо с ВВС ведущих держав, например, ФРГ (503) и Франции (597) [Nordisk Kontakt, 1992: 6–8]. Поэтому достаточно весомо в середине 1980-х гг. прозвучало заявление шведских властей о том, что они готовы к отражению любой попытки превратить территорию страны в “транзитные коридоры” для войск того или иного блока. Особо отмечалось, что национальное ПВО

станет пресекать полёты самолётов и крылатых ракет обоих противостоящих блоков, если они вознамерятся наносить удары друг по другу через воздушное пространство страны [Ar svensk neutralitet möjlig?: 138]. К тому же Швеция традиционно стремилась обеспечить и поддержать военный нейтралитет высоким уровнем оснащения вооружений своей армии отечественного производства¹. На протяжении всего периода холодной войны этот курс обеспечивал достаточно высокую эффективность, убедительность линии неприсоединения. В те годы Стокгольм тратил на военные нужды до 3% ВВП (в 2016 г. 1,1%), или до 5–6% национального бюджета [The Military Balance, 1999: 95–96]. Это была цена, которую приходилось платить за реальность шведского нейтралитета.

Однако с началом постбиполярного периода ситуация в силовом комплексе королевства начала драматически меняться. Начиная с 1990 г. ВС страны уже четыре раза получали политический приказ о проведении рационализаций, реорганизаций, сокращений. Так, если в начале 1990-х гг. общее количество вооружённых сил составляло 64,5 тыс.: в сухопутных войсках – 44,5 тыс., в ВМС – 12 тыс., ВВС – 8 тыс. человек, то сейчас общая численность – 53,1 тыс., в родах и видах войск – 35,1 тыс., 9,2 тыс. и 8,8 тыс. человек соответственно. Наибольшие сокращения произошли в СВ – с 29 до 13 бригад, изменилась организация штабов [Militær Balansen 1990–1991: 95–96]. В постбиполярный период Швеция получала свой *дивиденд мира* путём значительного снижения расходов на оборону, сокращения количества армейских бригад, эскадрилий ВВС, подлодок и надводных кораблей, но тем самым ослабила достоверность своего нейтрального курса.

Сокращения происходили и в национальном военно-промышленном комплексе, который обеспечивал поставки от стрелкового до высокотехнологичного оружия, типа новейших многоцелевых самолётов Saab JAS 39 Gripen. Очевидно, это последняя модель боевой машины ВВС, которую шведы в состоянии разработать и произвести самостоятельно². Чтобы выжить в конкурентной борьбе на рынке вооружений, шведским компаниям, входящим в сотню крупнейших производителей вооружений в странах ОЭСР – “Цельсиус” (системы управления), СААБ (боевые самолёты), “Эрикссон” (военная электроника), “Буфорс” (артсистемы), “Хёгглюндс” (бронетранспортёры), “Карлскрунаварвет”, “Кокумс” (боевые корабли) и другим, необходима тесная кооперация и, вероятно, неизбежное слияние с европейскими концернами.

На фоне этой динамики в Швеции произошли существенные внутривнутриполитические перемены в расстановке основных сил по вопросам политики обеспечения безопасности и обороны страны. Основные антагонисты – Социал-демократическая рабочая партия Швеции и Умеренно-консервативная партия медленно, но верно сближали свои позиции по ключевым вопросам безопасности и обороны. Кульминацией этого “единения” на практике явилось полноправное членство страны в Европейском Союзе, расширение практической кооперации с НАТО, продолжение нынешнего курса политики неприсоединения. Поступательная евроинтеграцион-

¹ Сухопутные войска Швеции ныне представлены 14 тыс. военнослужащих. Техника, стоящая на вооружении, преимущественно собственного производства. Исключение составляют немецкие основные боевые танки “Леопард” и финские бронетранспортёры ХА-180 и ХА-203.

² Свыше 80% её стоимости составляют закупаемые или производимые по лицензии детали зарубежных фирм, в том числе около 50% из них – американские.

ная политика также вела к эрозии традиционного шведского нейтралитета. Хотя среди широких слоёв населения страны сохраняется значительное количество сторонников прежней линии, всё явственнее слышится со стороны элит, истеблишмента мотив пересмотра традиционного курса национальной безопасности [Brommesson, 2016].

Одновременно с вступлением в Евросоюз Швеция значительно активизировала свои отношения с НАТО, участие в программе блока “Партнерство ради мира” – ПРМ предоставляло для этого новые широкие возможности¹. Стокгольм развивал также полномасштабные связи с Альянсом в области стратегической мобильности, материально-технического обеспечения и связи, унификации и интероперабельности. Важным подготовительным этапом на пути в альянс стало подписание финским президентом и шведским правительством на уэльском саммите НАТО в сентябре 2014 г. Соглашения о поддержке принимающей стороны (*Host nations support*). Теперь Альянс сможет проводить учения на территории этих стран, а также перебрасывать туда военнослужащих Сил быстрого реагирования, согласовав это предварительно с принимающей стороной. Так, только в мае 2017 г. более 100 боевых самолётов из 11 стран приняли участие в крупнейших учениях BBC НАТО Arctic Challenge над территорией Швеции (также Финляндии и Норвегии). А самые масштабные за последние 23 года сухопутные учения Auroga-2017 прошли на о. Готланд в сентябре, в которых участие приняли 19 тыс. шведских военнослужащих, около 1,5 солдат США, а также разные мелкие подразделения из Финляндии, Франции Дании, Норвегии, Литвы и Эстонии. События в балтийском субрегионе также подталкивают Стокгольм в направлении к членству в Альянсе [Ruukönen, 2016: 120–121].

Проблемы своей безопасности Швеция может гипотетически решать помимо традиционной политики свободы от союзов² в широких рамках четырёх курсов: 1) европейская альтернатива³, 2) на субрегиональном уровне (в частности, путём укрепления северного военно-политического союза – Nordic Defence Cooperation – NORDEFCO)⁴, 3) двусторонняя коалиция с соседней Финляндией и 4) полноправное членство в НАТО. В истеблишменте склоняются в пользу последнего варианта, поскольку продолжение линии неучастия в союзах в постбиполярный период затруднительно как по политическим, так и по ресурсным соображениям. Евросоюз

¹ Так, в июне 1996 г. самая современная подлодка “Готланд” приняла участие в учениях “Сорбет ройал” в норвежском Вестфьорде, впервые под водой пересекла, как отмечала пресса, Полярный круг.

² Продолжение традиционной политики свободы от союзов, при которой Швеция как член ЕС и участник программы НАТО ПРМ, а также многонациональных сил по поддержанию мира в БиГ (IFOR\SFOR), будет повышать уровень участия страны в миротворческих операциях без каких-либо гарантий в области политики обеспечения безопасности.

³ Так называемая европейская альтернатива, которая зависит от обретения большей идентичности в рамках ЕС\ЗЕС, обусловлена развитием ОВПБ\ЕПБО ЕС, взаимоотношений ЕС 27 с НАТО, реанимацией авторитета ОБСЕ. При этом сценарии голос Швеции вряд ли будет весом в Брюсселе.

⁴ Первоначально инициатива была изложена в докладе, подготовленном по заданию Северного Совета экс-министром иностранных дел Норвегии Т. Столтенбергом 9 февраля 2009 г., а позже эти предложения были расширены, конкретизированы на совещании министров обороны пяти северных стран 9 апреля 2015 года.

находится в тени НАТО и не представляет собой пока реальной военно-политической силы. А двусторонняя коалиция с соседней Финляндией хотя и даёт тактические военно-политические выгоды, но не обеспечивает коренных стратегических преимуществ. Включение Швеции в Альянс поможет, как рассчитывают в Стокгольме, сэкономить на оборонных расходах страны, существенно модернизировать шведский военный потенциал в соответствии со стандартами Атлантического блока. Вместе с тем в Стокгольме сознают, что отказ от линии традиционного нейтралитета приведёт к субрегиональному кризису, резкому ухудшению отношений с Москвой. Так, видный шведский эксперт заключает: “Мы рискуем по меньшей мере вначале получить обострение отношений с Россией. Однако, исходя из предпосылки, что восточная держава желает также продолжения реалистической внешней политики, двусторонние связи в будущем могут улучшиться” [Winnerstig, 1997: 32]. В Стокгольме, похоже, принципиально сделана ставка на коллективную оборону в рамках главного евроатлантического союза – НАТО, поскольку все прочие варианты будут только его дополнением, а не заменой. Там рассчитывают, что при смене национального курса безопасности серьёзного международно-политического кризиса удастся избежать.

Швеция впервые с момента окончания холодной войны (после присоединения Крыма к России в марте 2014 г.) объявила об угрозе со стороны России. В посткрымский период между Россией и Швецией контакты на уровне высшего государственного руководства практически заморожены. Летом 2016 г. экс-министр обороны Карин Энстрём (УКП) раскритиковала решение властей Финляндии пригласить президента Владимира Путина посетить Хельсинки с визитом. Нынешний премьер-министр Швеции Стефан Лёвен (СДРПШ) всё же заявил, что Стокгольм готов к диалогу с Россией. Хотя в Стокгольме по-прежнему утверждают, что членство не является ныне актуальным, представители правоцентристских партий уже открыто декларируют, что шведское “атлантическое решение является актуальным в перспективе”. Разворачивающаяся публичная кампания направлена на формирование позитивного отношения широких слоёв к евроатлантическому партнёрству. Сейчас не только основы традиционного нейтралитета Швеции сильно ослабли, но наблюдается процесс ослабления его достоверности, авторитета, престижа. Неблагоприятные, опасные последствия этих тенденций на Севере Европы, особенно для России, на наш взгляд, достаточно очевидны.

Особая линия Финляндии

Наибольшие изменения в постбиполярный период произошли в политике Финляндии, которая во время холодной войны придерживалась так называемой линии Паасикиви – Кекконена. Она строилась на поддержании “особых отношений” с Советским Союзом на базе двустороннего Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (ДДСВП) 1948 г. По непредвзятой оценке авторитетного шведского дипломата Э. Бернера, этот договор “... ограничивал самостоятельность Финляндии не больше, чем это уже сделали история, география и соотношение сил” [Berner, 1985: 51]. В нём были заложены основы не только финско-советских отношений, но и факторы, определяющие финляндский нейтралитет¹. Политика президента

¹ В военных статьях договора, в частности, предусматривалось, что если Финляндия или СССР через финскую территорию станут объектом вооруженной агрессии со стороны

Современная Европа, 2018, №1

У.К. Кекконена не встречала абсолютного одобрения, но его собственные политические позиции были чрезвычайно прочными, ему удавалось сохранить пост президента страны в течение двадцати пяти лет. Положение “гаранта хороших отношений с СССР” было при этом одним из его главных аргументов против своих внутренних конкурентов¹.

В 1992 г. на смену советско-финляндскому договору 1948 г. пришел новый, российско-финляндский, в котором положения о военной помощи полностью отсутствовали. Влияние Москвы на внутреннюю политику Финляндии значительно сократилось. В 1995 г. страна предприняла важнейший стратегический шаг – вступила в Европейский Союз, затем в шенгенскую зону, и в зону евро. Членство в ЕС определяется официальным Хельсинки в качестве “ценностного выбора”, а само определение “нейтралитет” вызывает нескрываемое раздражение в ряде кругов Суоми, которые оперируют понятием “неприсоединившееся государство” в чисто военном отношении.

Хотя военно-политические обязательства Суоми перед Москвой в годы холодной войны свидетельствовали об ограниченности финского нейтралитета, это не мешало развивать отношения с Западом. Как стало известно, на протяжении ряда лет холодной войны разведслужбы Финляндии и Швеции находились в тесном сотрудничестве, практическом взаимодействии. Шведы получали от финнов сведения оборонного характера об СССР и передавали эту информацию НАТО, тем самым нарушая Договор 1948 г. Именно в этот период появился политический термин “финляндизация” (фин. suomettuminen; швед. finlandisering;), первоначально получивший достаточно позитивную оценку в западной историографии. Позже он стал использоваться западными политиками как негативное клише, пример подчинения политике Кремля. Использование термина “финляндизация” в негативном смысле в ключевом предложении представляется, на наш взгляд, исторически не вполне заслуженным хотя бы потому, что сейчас многие малые страны идут на гораздо большие уступки ради защиты своих политических и экономических интересов, доступа к крупным рынкам товаров и услуг, что часто преподносится как “взвешенная политика”, “цивилизационный выбор”, “гибкость и взвешенность” и пр. Чем дальше, тем больше историков, экспертов, политиков считают, что эта линия “финляндизации” в конкретной ситуации эффективно служила коренным национальным интересам Суоми.

В постбиполярный период появились все основания говорить о подлинной демилитаризации российско-финляндских отношений. Финляндия не фигурирует как вероятный военный противник России. Финны в своей оборонной политике по-прежнему делают ставку на массивную защиту с привлечением собственных

Германии или её союзников, то страна обязана защищать неприкосновенность своей территории, в том числе в случае необходимости с помощью СССР.

¹ У.К. Кекконен прочно стоял на позициях защиты национальных интересов своей страны, но некоторые его действия многие на Западе воспринимали как уступки Кремлю. Одной из таких его акций было предложение о создании безъядерной зоны на Севере Европы. Эта инициатива серьезно беспокоила лидеров скандинавских стран в годы холодной войны, поскольку ограничивала позиции Запада в субрегионе. Однако с высоты сегодняшнего дня (открытых архивов, новых документов, опубликованных мемуаров) очевидно, что он не рассчитывал на реализацию этого плана.

крупных боеготовых резервов¹, в отличие от своих скандинавских соседей стран – членов НАТО Дании и Норвегии, которые ориентируются на ограниченные мобильные контрактные ВС. Финляндские озабоченности относительно намерений восточного соседа окончательно ушли в прошлое, очевидно, с исчезновением сверхдержавы – СССР. В условиях прекращения военно-стратегического противостояния в Европе Россия в 1990-х годах существенно сократила численность своих войск на границе с Финляндией. Сама граница из прежнего военного рубежа превратилась, скажем образно, в важнейший интерфейс для широких контактов между странами – членами ЕС и РФ.

Экономическое сотрудничество двух стран, хотя и перестало быть официально привилегированным, как во времена СССР, но теперь более масштабное, тесное, интенсивное, разветвлённое. Произошел настоящий “взрыв” деловых, человеческих контактов в приграничных районах. В 2010-х годах консульства обеих стран выдавали ежегодно свыше миллиона виз российским гражданам. Растёт число россиян – владельцев недвижимости в Суоми, доля русских превысила 1% населения. В этих динамических условиях хозяйственной кооперации, гуманитарного взаимодействия народов-соседей встаёт вопрос: способно ли эвентуальное членство Финляндии в НАТО, вялотекущая дискуссия о котором идёт уже длительное время, нанести непоправимый урон сложившимся отношениям, обернуть вспять процесс их демилитаризации?

Финский премьер Юрки Катайнен заявил, что публичные дискуссии о членстве в НАТО должны состояться в ближайшие годы. Как известно, президент Саули Ниинисте выступает против немедленного присоединения страны к военным блокам и заявляет, что этой точки зрения придерживаются большинство финских политиков. Согласно опросам общественного мнения, большинство финнов по-прежнему против членства своей страны в НАТО. Но сторонники членства есть среди ведущих политических партий. Хотя правительство Финляндии пока не рассматривает вопрос о вхождении в Альянс, однако на практике плотно сотрудничает с ним как по политическим, так по широкому кругу военно-технических вопросов. Формальный нейтралитет не мешает Хельсинки участвовать в “Партнёрстве ради мира” и других программах НАТО. Присоединение в 2014 г. к программе Альянса “Поддержка принимающей стороны” даёт этим северным странам вне НАТО практическую возможность в условиях кризиса или конфликта немедленно принять любую военную помощь от США, других западных держав, минуя длительный, многоступенчатый бюрократический процесс Североатлантического союза. Это “представляет гораздо большую опасность для России, – достаточно убедительно считает отечественный эксперт, – чем формальное членство Финляндии и Швеции в НАТО” (Кишин, 2017: 74). Поскольку немедленное вхождение в НАТО чревато острой реакцией России, то стратегия выжидания и плавного перехода рассматривается как вполне приемлемая для нынешнего периода. Для этих северных стран практическое партнёрство с НАТО – пока лишь успешная стратегия подстраховки [Dalsjö, 2017]. На этом фоне укрепление военно-политических взаимосвязей между пятью северны-

¹ Силы обороны Финляндии составляют около 35 тыс. военнослужащих, при этом сюда входят как сухопутные войска, так ВВС и ВМС. По заявлениям руководства НАТО, ВС Финляндии “полностью готовы для полноценной интеграции в состав блока”, в состав Сил реагирования НАТО (NRF, NATO Response Force).

ми странами в рамках NORDEFCO, а также развитие двусторонних военно-политических связей Финляндии и Швеции создают, как считают в Хельсинки, дополнительные возможности для поддержки военно-политического курса Суоми.

* * *

На фоне динамичных геостратегических перемен в Европе происходят изменения в военно-политическом мышлении элит северных неприсоединившихся государств. Установка на то, что посткрымская, “недореформированная” Россия представляет растущую угрозу, в сочетании с ощущением того, что общая политика безопасности и обороны (ОПБО) ЕС может оказаться недостаточной гарантией для их защиты, стимулирует Стокгольм и Хельсинки к движению в сторону Альянса.

В посткрымский период решения государств – членов НАТО об увеличении масштабов сотрудничества в области кибернетической безопасности, прочих несиловых методов обеспечения безопасности расширяет поле взаимодействия с северными нейтралами. У Швеции и Финляндии сложились прочные взаимные военные связи, традиции кооперации, широкий базис для взаимодействия национальных ВС и ВПК. Возможно, именно таким образом политика безопасности этих формально внеблоковых стран может сосуществовать, сопрягаться с более интенсивными партнёрскими связями с НАТО. С одной стороны, повышение нынешнего уровня конфликтности в Европе возвращает северную модель нейтрализма к известным условиям периода холодной войны. А снижение противостояния между Западом и Россией могло бы привести к “тихому” окончательному размыванию, прекращению политики северного нейтрализма. Политика нейтралитета претерпит, на наш взгляд, большие изменения, а соответствующим странам придётся определиться, что для них значит “нейтралитет” при новых обстоятельствах.

В Финляндии твёрдо полагают, что если Швеция решит подать заявку на членство в Альянсе, то Суоми необходимо последовать за ней практически автоматически. Серьёзное влияние на решение Хельсинки окажут те же внешние факторы, что и в случае Швеции: обеспокоенность в связи с реакцией России и недостаточность собственного оборонного потенциала в рамках Евросоюза. Хотя практическое сотрудничество этих северных стран с Альянсом нарушает букву и дух политики нейтралитета (обе страны регулярно участвуют в учениях НАТО, выделяют войска для сил быстрого реагирования, сотрудничают в совместных с НАТО и ЕС миротворческих миссиях, присоединились к войне в Афганистане), однако формальный шаг подачи заявки о вступлении, как и сам факт членства в Организации Североатлантического договора, окончательно, непоправимо разрушит прежнюю архитектуру безопасности в субрегионе Балтийского моря. Нарушение известной “красной черты”, слом военно-стратегического баланса в субрегионе в пользу НАТО приведёт к тому, что мир может получить новый, невиданный доселе “балтийский кризис”, который, возможно, окажется равным Карибскому. Северное расширение НАТО, особенно в политическом и инфраструктурном отношении, вплоть до северо-западных границ РФ может поставить Москву перед необходимостью предпринять вынужденные адекватные ответные меры.

Список литературы

Воронов К. (1995) Нейтралитет в постконфронтационной Европе: закат или поиск новых моделей? // *Мировая экономика и международные отношения*, № 5, с. 103–111.

Воронов К. (2013) Швеция – НАТО: конспиративная уния под лейблом нейтралитета / *Den dolda Современная Европа*, 2018, №1

alliansen. Sveriges hemliga NATO-förbindelser. Atlantis, Stockholm, 2011, 659 s. // *Мировая экономика и международные отношения*, № 5 с. 110–120.

Килин Ю.М. (2017) Нейтральные государства на распутье: проблема вступления в НАТО Финляндии и Швеции. // *Современная Европа*, 2 (74), с. 65–76.

References

Voronov K. (1995) Nejturalitet v postkonfrontacionnoj Evrope: zakat ili poisk novyh modelej? // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, № 5, s. 103–111.

Voronov K. (2013) Sveciya-NATO: konspirativnaya uniya pod lejblom nejtraliteta / Den dolda alliansen. Sveriges hemliga NATO-förbindelser. Atlantis, Stockholm, 2011, 659 s. // *Мировая экономика и международные отношения*, № 5, s. 110–120.

Kilin Yu.M. (2017) Nejtral'nye gosudarstva na rasput'e: problema vstupleniya v NATO Finlyandii i Svecii. // *Sovremennaya Evropa*, 2 (74), s. 65–76.

“Ar svensk neutralitet möjlig?” (1977) Nio bidrag till en svensk fredspolitik. [Swedish neutrality is possible?] Stockholm, Liber, s. 138.

Berner O. (1985) Soviet och Norden: samarbete, sakerhet och konflikten under femtio ar. [Soviet & Norden: cooperation, security and conflicts under 50 years], Stockholm, s. 155.

Brommesson D. (2016) “Non-allied states in a changing Europe: Sweden and its bilateral relationship with Finland in a new security context”. Oslo, NUPi, Policy in Brief, №31, p. 4. Available at: <http://www.nupi.no/en/Publications/CRISTin-Pub/Non-allied-states-in-a-changing-Europe-Sweden-and-its-bilateral-relationship-with-Finland-in-a-new-security-context> (Accessed 14 October 2017)

Dalsjö R. (2017) “Trapped in the Twilight Zone? Sweden between neutrality and NATO”. Helsinki, FIIA Working Paper 94, p. 33. Available at: http://www.fiaa.fi/en/publication/674/trapped_in_the_twilight_zone/ (Accessed 10 October 2017)

Militær Balansen (1991), [The Military Balance] IISS, (Norsk utgave), Oslo, s. 105.

The Military Balance (1999), IISS, L., p. 95–96.

Nordisk Kontakt (1992), Stockholm, № 1, s. 6–8.

Pyykönen J. (2016) “Nordic Partners of NATO How similar are Finland and Sweden within NATO co-operation?” The Finnish Institute of International Affairs, Helsinki, Report 48, p. 140. Available at: http://www.fiaa.fi/en/publication/616/nordic_partners_of_nato/ (Accessed 11 October 2017)

Winnerstig M. (1997) “Alliansfrihet eller NATO - medlemskap? Sveriges och Europas sakerhet efter NATOs utvidgning [Nonalignment or NATO–membership?] Swedish and European security after NATO's enlargement] // *Världspolitikens Dagsfrågor*, SUI, Stockholm, № 10, s. 32.

Nordic neutralism in the XXI century: Historical Finale or a New Transformation?

Author. Voronov K., Candidate of Science (History), Head of Section, Department of European Political Studies Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). **Address:** 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia. **E-mail:** kvoronov@mail.ru

Abstract. The author analyses external changes and internal shifts in the field of security, which affect the preservation of neutrality policy of Nordic countries. The article shows the objective narrowing of premises and restricting characteristics of the policy of Nordic neutralism, the different aspects of modernization of military-political course of Sweden and Finland at present. The author theoretically and politically examines a hard dilemma: the growth of the present level of conflict in Europe revives the viability of the Nordic model of neutralism in the circumstances close to the conditions of the cold war period: the decrease of the confrontation between the West and Russia may lead to the final erosion, cessation of the policy of Nordic neutralism in the near future. The military-strategical choice of Russia's Nordic neighbors in the Baltic region in favor of NATO, violation of the recognized “red line”, can lead to an unpredictable “Baltic crisis”, which may resemble the Cuban crisis.

Key words: Sweden, Finland, NATO, EU, neutralism policy, non-alignment, classical and accumulated neutrality, problem of joining/membership.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120188089>